

"Но друга нет уже в живых. Оборвалась его дорога..."

В пятницу хоронили детского поэта Эдуарда Гольцмана. Хоронили немногие - кто знал, до кого дозвонились. Прощались по-сиротски на углу дома на Циолковского, где он жил, выбрав маломальски ровную площадку на закатанном в лед снегу.

За месяц до этого он зашел в редакцию, оставив в подарок книгу, на которой ниже имени и фамилии крупно набрано: "Избранное". А внизу - "Стихи для детей". Замечу, что каждую свою книжку он обжигивал, вынашивал, пестовал, рукодельничая над ее макетом. Вот и книжка "Избранного", подаренная нам, представляет собой шедевр презабавного рукоделия. Кроме клеенных на свободные места стихов, очевидно, не вошедших в свод избранных, здесь есть обложка сборника стихов, вышедшего в 1985 году в московском издательстве "Детская литература", поверх которой размашисто написано: "Дорогому Эдуарду Гольцману - сердечно! Андрей Дементьев", записочка от Любви Никоновой: "Любимому детскому поэту Эдуарду Даниловичу Гольцману с благодарностью за добрые стихи из страны детства. Радуйте нас и впредь этими чудесными весточками... С признательностью - Л. Никонова", и так далее, в том числе партитура песни Михаила Маслова "Мы долго шли...", написанной на тревожные стихи Эдуарда Гольцмана, которые он посвятил поэту-фронтовику Константину Ваншенкину:

Мы долго шли. Мы шли без слов.
Мы были сильные ребята.
А за спиной у вещмешков
Мерцали тускло автоматы.
Нас ждали десять человек.
Должны мы к ним прийти с подмогой.

Была метель - и снег, и снег,
И не видать в снегу дороги...
Мы упирались в бурелом,
И я сказал в досаде: "Будет!
Давай, братишка, отдохнем.
Ведь мы с тобой живые люди!"

А он сжал губы и притих.
Потом ответил мне угрюмо:
"Ты не подумал о других,
А о себе уже подумал..."

И вновь мы шли. Упрямо шли.
Сквозь снег и ледяные глыбы.
И мы дошли. На край земли
Мы с ним вот так идти могли бы.
Но друга нет уже в живых.
Оборвалась его дорога...

"А ты подумал о других?" -
Я слышу голос издалека.

И есть еще одно стихотворение друга Эдуарда Гольцмана поэта-блокадника, петербуржца Василия Шумилина; стихотворение невероятное по своей биографической открытости - речь, разумеется, идет о биографии Эдуарда Даниловича:

Варшавская площадь

Уходит жизнь, а годы, как страницы
Толстой книги, шумно шелестят.
И этот день тебе все время снится,

На праздновании юбилея Эдуарда Гольцмана (в центре)

А ведь давно минуло шестьдесят!
Тот юбилей ты в Петербурге встретил.
Сидим вдвоем в Измайловском саду.
Ты говоришь спокойно, взгляд твой светел,
А я, дружище, места не найду.
Тридцать девять лет свой след кровавый
Впечатал под фашистским сапогом.
...Толпа людей на площади Варшавы,
Не митинг и не шествие - ЗАГОН!
О, Господи! Такое только вспомнишь -
И полонит, опутывая, тьма:
Вмиг обратится знойный полдень в полночь.
Великий Бог, не дай сойти с ума!
Что может быть страшней земного ада?
Вся площадь в оцеплении штыков.
Прикладами людей, как будто стадо,
Пригнали - деток, женщин, стариков.
Мужчин - в концлагерь, прочих иудеев
На площадь, чтоб расстреливать в упор...
(Представить страшно. Сердце холодеет.
А ты ведешь неспешно разговор.)
Под посвист пуль вот-вот случится драма.
А дальше смоем дождь кровавый след.
С братишками тебя прикрыла мама
Периною. Тебе всего шесть лет!
Фашисты держат площадь
под прицелом.
Куда ни глянь - стволы со всех сторон.
На площади толпа... Нет, город целый!
Ни криков, ни рыданий - только стон!
По сердцу - дрожь. Как выстоял ты, Эдик?
Но продолжаешь дальше свой рассказ:
- Мотоциклетный треск - депеша едет.
Как вовремя доставлен был приказ:
"Казнь отложить!"

И дальше - в путь-дорогу,
То пешими, то вновь в товарняке.
...Вся площадь устремила взоры к Богу -
Все те, чья жизнь была на волоске.

Наверное, в этом ответ на мой незадачный ему вопрос: "Почему он стал детским поэтом?", он, лишенный детства и словно наверстывавший потерянное. Он был очень добрым человеком, хотя жизнь его вовсе не располагала к доброте.

В нем жил ребенок. Не случайно же коллеги-литераторы прозвали его в своем кругу Карлсоном, добрым Карлсоном.

Другу Эдику по прозвищу Карлсон

Наивно-мило малышей любя,
ты подарил им сотни добрых строчек...
Пускай всегда удача ждёт тебя
и пусть всегда - ! - работает моторчик!

Владимир Матвеев

Однажды он поймал меня на улице за пуговицу и продекламировал с умильительно серьезным лицом:

"Дима в детский садик ходит...
Так и молодость проходит".

Может, и не Дима, а Вася, Коля, Петя. Это не важно. Как и то, что двустишие - простое и глубокое одновременно - совсем не детское стихотворение, но так парадоксально умеют думать только дети. И конечно, Эдуард Гольцман, писавший о детях и для детей.

Некогда Геннадий Костачаков выдал такую категоричную эпиграмму: "Нет города-сада без Гольцмана Эдуарда". Город-сад, так любимый им, вроде остался. Но так грустно на сердце.

Валерий Немиров.

Коллектив редакции газеты "Кузнецкий рабочий" выражает соболезнование Анне Михайловне Коростышевской, жене и другу поэта, всем тем, кто знал и любил Эдуарда Гольцмана, его творчество.